

О ВОСПИТАНИИ В ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ¹

У Ивана Ильина пророческий дар — должно быть, от *библейского* Ильи-пророка. Он многое предвидел, и ко многому показал духовную дорогу. Выход в России многотомного Собрания сочинений этого религиозного мыслителя (в издательстве «Русская книга» вышло в свет уже 26 томов его под редакцией Ю.Т. Лисицы) — событие масштаба неизмеримого. Но внешне страна словно и не заметила, что к ней вернулся один из лучших ее сынов — в своих творениях. Вернулся, чтобы помочь, подсказать, как соединить Россию ту и эту в глазах Господа, как сшить зияющую и по сей день рваную рану на теле единой в вечности России.

В Иване Ильине Россия обрела еще одну крупнейшую фигуру своей культуры, еще одного гения. В полной мере Ильин, конечно, будет оценен в нашем многострадальном Отечестве не сегодня. Страна не готова воспринять его идеи духовно и всецело. Но готовить почву к будущему восприятию этих идей необходимо. Каждая страница из ильинского наследия — драгоценный вклад в отечественные философию, педагогику, литературу, право. По мере своих сил журнал² будет помогать своим читателям переворачивать эти страницы. Они написаны вдалеке от России, но, возможно, это «далеко» и было необходимо — для того чтобы эти страницы были написаны. В 1922 году Ильин покидал Россию на «философском пароходе». И в этом расставании был трагизм. Но в этом трагизме была радость будущей встречи с Россией. Она происходит сегодня, на наших глазах.

---

¹Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948—1954 гг. Т. 2. М., 1992.

² Научно-просветительский журнал «Духовно-нравственное воспитание»

... Возможно, что из наших, старших поколений лишь немногие доживут до освобождения родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в ее возрождении. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, который мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать и письменно (по возможности и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чему нас *умудрила* наша **патриотическая скорбь**.

Грядущая Россия будет нуждаться в *новом, предметном питании русского духовного характера*; не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование, само по себе, есть дело *памяти, смекалки и практических умений* в отрыве от *духа, совести, веры и характера*. Образование **без воспитания не формирует** человека, а *разнуздывает и портит* его, ибо оно дает в его распоряжение *жизненно выгодные возможности, технические умения*, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и *начинает злоупотреблять*. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но *добросовестный простолудин* есть *лучший человек и лучший гражданин*, чем *бессовестный грамотей*, и что *формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает* не национальную культуру, а *разврат пошлой цивилизации*.

Новой России *предстоит выработать себе новую систему национального воспитания* и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология XIX века подожгла Россию, вызвала великий пожар и сама сгорела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от духа, любовь от его любви и

гнев от его гнева — мы, никогда не верившие ни в какую «послепетровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне неверящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, — мы обязаны **осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти больные уклоны и преодолеть их** (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это больное наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма) — **преодолеть и вступить на новый путь.**

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и **возродится к новому творчеству и новому расцвету** — через **сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности.**

Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой свободы и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности*, — и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. *Абсолютная и противопредметная свобода* — стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски, — то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные антисоциальные проявления свободы, злоупотребления ею и водворить *большую социальность при несвободе.*

На самом же деле *несвобода* (отрицательная функция) ему удастся вполне, а большая социальность (положительная, творческая функция) — не удастся ему: на место прежней *свободной несоциальности* водворяется новая *несвободная антисоциальность*, и народ попадает в *наихудшие и наитяжчайшие условия жизни, известные в истории*. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

Это объясняется тем, что осуществить социальную справедливость могут только люди *с сердцем и с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания*, т.е. — *предметно настроенной и устроенной души*. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо справедливость есть *предметное неравенство* людей. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, **неукорененный в живом созерцании Бога**, есть разновидность человеческой *глупости и черствости*, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры — *свободы, любви и предметности* — ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации.

Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть **наполнена жизнью сердца и предметной воли**. Чем больше сердца и предметной воли у человека, тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобре-

тает для него. Спасение не в отмене свободы, а в ее **сердечном наполнении и предметном осуществлении**.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно *новое воспитание: в свободе и к свободе; в любви и к любви; в предметности и к предметности*. Новые поколения русских людей должны воспитываться *к сердечной и предметной свободе*. Эта директива — на сегодня, на завтра и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий **к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры** в России.

Для того чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее *предметности*.

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни: она не предопределяет ни содержания жизни, ни ее уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения ее, *для предметной жизни*, т. е. *для свободной жизни в Предмете*. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую *цель*, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто *субъективную* цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и *объективную* цель, *последнюю и главную цель жизни*, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством.

Это есть **великая и главная цель** человека, *осмысливающая* всякую жизнь и всякое дело, цель, *на самом деле прекрасная и священная*, — не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кряхтит, старается и богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой *действительно стоит жить на свете*, ибо за нее *стоит бороться и умереть*. Для животного такую целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, **духовно-верная** цель

жизни, *на самом деле и для всех* драгоценная и прекрасная, или если собрать все эти определения в простой и скромный термин, — *Предметная*.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только *тем*, что **осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть**. Всюду, где он живет *нестоящим*, — пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, словом, всем, что непредметно или противопредметно, — он ведет жизнь *пустую и пошлую*, и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: — спасу жизнь, — останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство, — утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть **предметная, священная цель жизни**, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святыни?.. — такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если *моя личная жизнь* на земле *прервется*...

22 мая 1953 г.

Жить предметно — значит, связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть *оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни*. Ибо в действительности мы все служим некоему **высшему Делу** на земле — *Божьему Делу* — «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, *единый и великий Предмет истории*. И вот, в его **живую предметную ткань** мы и должны **включить нашу личную жизнь**.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, *бытие России*, — достойное, творческое и величавое бытие, — входит в это *Божье Дело*, составляет его живую и благодатную часть, в которой **есть место для всех нас**.

Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я *служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию*; не «маммону» и не «начальству»; «не личной похоти» и не «партии»; не «карьере» и не просто «работодателю»; но **именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божиим**.

Жить и действовать так, значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека: это значит *жить предметно*, т. е. — службу превратить в *служение*, работу в *творчество*, интерес во *вдохновение*, «дела» освятить духом *Дела*, заботы возвысить до *замысла*, жизнь освятить *Идеей*. Или, что то же самое, — *ввести себя в предметную ткань Дела Божия на земле*.

Предметность противостоит сразу—и *безразличию и безоглядному своекорыстию*, — этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, **во-первых**, вывести человеческую душу из состояния холодной *индифферентности*¹ и *слепоты к общему и высшему*; открыть человеку глаза на его *включенность* в ткань мира, на ту *ответственность*, которая с этим связана, и на те *обязательства*, которые из этого вытекают; вызывать в нем чутье и вкус к делам *совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины*. Поэтому стать предметным человеком — значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, **растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость**. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

---

¹ Индифферентность — равнодушие, безучастность, безразличие.

Воспитать к предметности — значит, **во-вторых**, отучить человека от узкого и плоского *своекорыстия*, от того «шкурничества» и той *беспринципной изворотливости*, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство.

Стать предметным человеком — значит, преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот *наивный и циничный эгоизм*, которому *недоступно высшее измерение вещей и дел*.

Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма¹, не открывший себе глаза на своё призвание — *служить, не научившийся преклоняться* перед **высшим Смыслом и Делом, перед Богом**, будет всегда существом *социально опасным*. Так, *Предметность* освобождает душу не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма¹.

В этих двух требованиях содержится азбука предметного воспитания. И надо признать, что вне её — всякое вообще воспитание *мнимо и призрачно*, и всякое вообще образование *мертво и формально*. Самое важное, что должна дать человеку семья и школа — это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*.

Человек *должен видеть и разуметь* ткань Божьего Дела на земле, — чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь; чтобы сердце его *отзывалось* на явления и события в этой ткани, как на **важные, драгоценные**, вызывающие радость и горе; чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как, может быть, еще никогда, Россия *нуждается в таком воспитании*. Ибо ранее в России была жива религиозная и пат-

---

¹ Эгоцентризм (от лат. его - я и центр) — отношение к миру, характеризующееся сосредоточенностью на своём индивидуальном «Я».

риотическая *традиция* такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и не сложились. Завязать и укрепить их и должна **система предметного воспитания**.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из *безразличия и своекорыстия*. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен цельно *полюбить* нечто такое, что *на самом деле* заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: *субъективно-личное и объективно-ценностное*.

Первое измерение, субъективно-личное, определяет действительно ли я *предан* моей жизненной цели, *искренен* ли я в этой преданности, *целен* ли я в этой искренности и, наконец, *действую* ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно-ценностное, определяет, *не ошибся* ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» *Предметен*, действительно ли моя цель священна и правда ли ею *стоит жить* и за нее *стоит бороться* и, может быть, *умереть*. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно — «предметен», а объективно нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно *предан ошибке*, напр., какому-нибудь вредному, обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере...

Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. — Но возможно и обратное, — когда человек высказывается в пользу *верной цели*, которою действительно стоит жить и за которую стоит бороться до смерти, но сам он относится к ней *холодно*, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная *формула* Предмета, не больше, а может быть, еще и аффектиро-

ванная¹ *декламация* о Предмете, верная по содержанию, но *фальшивая* по чувству и *скользко-предательская* в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни.

Однако верна и духовно значительна *четвертая* возможность, когда человек искренно, цельно и деятельно предан Предметной цели, т. е. делу Божьему на земле, напр., церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душою человека *владеет двойная или подлинная Предметность*. Она *захватывает* его *душу*, *осмысливает* его *жизнь*, *делает* его *цельным и огненным* и *придает* его жизни *религиозный смысл*, даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, — ибо *сокровенная религиозность* *глубже явной и незримая церковь* *обширнее зримой*.

Такой человек переживает свой Предмет — *сразу* — как далекую цель, как объективное — будущее желанное событие, и в то же время — *как близкую реальность*, как вдохновляющую его силу, как *подлинную ткань бытия*, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни, прежде всего — Предметности, т. е. *Дела Божьего на земле*; он *углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение*; он *освещает из него все дела, исходит из него*, как *из задания*, и *восходит к нему*, как *к цели*.

Все это придает ему особый дух — дух *искания, ответственности и служения*, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медиумом чужих влияний, а может быть, и хуже — лисой, хамелеоном и предателем. По духу ис-

---

¹ Аффект — бурная кратковременная эмоция (напр. гнев, ужас) возникающая, как правило, в ответ на сильный раздражитель.

кания, ответственности и служения предметные люди **легко и быстро узнают** друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у *Конфуция*, и у *Сократа*, и у *Марка Аврелия*, и у *Вильгельма Оранского*, и у *Карлейля*, а у нас в России — он узнает его и в *православном старце*, и в *Петре Великом*, и в *Суворове*, и у *праведников Лескова*, и будет прав, ибо *этот дух действительно создавал и строил Россию*.

И вот *каждое такое открытие, каждое такое знакомство* будет ему **духовной радостью** и будет вызывать в нем желание — **включить** узнанное **в свою жизнь**; а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго *полнотою доверия и братским сотрудничеством*. Предметные люди — *братья перед Лицом Божиим*; они суть как бы **живые нити Божьей ткани на земле**; или — **живые струи Его потока**; граждане **Его медленно возрастающего Царства**. И именно этим объясняется присущее им стремление *пробудить в других чувство Предметности, сознание Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности*.

Вот почему Предметность можно было бы описать как *включение себя в Дело Божие на земле*; или как *вплетение себя в Его ткань*; или как *вхождение в Его поток*; как *отождествление своего дела с Его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою*. И этому соответствует измерение *его* мерилami и *его* успехами — своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы.

Ткань этого Дела реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе) и в его культуре; в индивидуальной жизни, и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо научиться *воспринимать ее, видеть ее, радоваться ей, пребывать в ней и служить ей*. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что **Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека**, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности; и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание — все это *разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле.*

Это есть то, в чем нуждается всегда *все человечество*, но чего ищут и чем владеют только *лучшие люди*. Все великие религии хотели и доньше хотят этого; — все монашеские ордена; все организации братства чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все они ищут именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную высоту — *воля к Предметности и организация Предметности.*

Ибо есть **своя особая Предметность в церкви**, и **своя особая Предметность в науке и преподавании**, и **своя Предметность в суде и управлении**, **своя Предметность в искусстве**, **своя Предметность в армии**. И все то, что называется в жизни — лицепрятием, nepoтизмом¹, святокупством, взятокою, криводушием, гражданскою трусостью, политической продажноcтью, завистью, лeстью, предательством, бесчеcтием, карьеризмом, лукавством, интригою, или же, выражаясь русскими летописными словами, — «кривдою» и «воровством», — все это разлагает нравы и создает растленную культуру и больную государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и жизни.

---

¹ Непотизм — кумовство.

Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как **единение людей в духовной Предметности** — *в совместной молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом единочувствии, в патриотическом подъеме.*

31 мая 1953 г.

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: **Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни**, которая несет человеку **множество драгоценных даров.**

И, прежде всего, она дает ему *чувство предстояния*: «есть нечто высшее и большее, нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью».

И далее — *чувство ответственности*: ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю.

Отсюда новый дар: *чувство реальной силы*, которая призвана к действию, так, что решения ее не безразличны и усилия ее не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела.

С этим связан новый драгоценный дар — *чувство служения*, т.е. уполномоченного и призванного *самостоятельного делания* перед Лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, — словом, *творческого участия в деле мироустройства.*

В естественной связи с этим стоят *новые дары Предметности*: с одной стороны, — неподдельное *смирение*, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед Кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению; — а с другой стороны — Предметное служение дает человеку *уверенность в своей правоте*, которая

свободна и от самомнения, и от гордости, — и некую духовную *строгость и властность*, которые проистекают непосредственно из *чувства Предметной наполненности*, призванности и силы.

Человек, живущий ответственным **Предметным созерцанием**, есть *вдохновенный* человек, а настоящее вдохновение есть именно **проявление Предметности и ее дар**; человек во вдохновении *дышит законом самого Предмета*, выговаривает Его содержание, осуществляет Его ритм; и так обстоит везде — в искусстве, в науке и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ дар *верного целеполагания*, ибо цели, которые он видит и ставит, *имеют* всегда **далекую силу и высокий смысл**; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл — в «небесно-земном» плане, т. е. в том, что они включены в ткань Божьего Дела.

Предметный человек — знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает, — есть **орудие или орган Дела Божьего на земле**, а потому и судьба его не безразлична в высшем плане бытия, и сам он *спокойно поручает себя Руке Божией*, — вот так, как Пушкин выговорил это в своем «Арионе» и как Тютчев выговорил это о самом Пушкине («Ты был богов орган живой»...)

Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела: ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть **Дело Предметное**, и потому — Божие, что неудача его есть лишь *видимая* неудача и что *конечная победа его обеспечена высшею Силою*. Образно это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы *держится правой рукой за небо*. Во всяком случае, он твердо знает, где *находится его главная опора* и **Кто** в конечном счете *решает его судьбу*.

Все это можно было бы выразить так, что Предметность дает человеку *верное чувство собственного духовного достоинства*.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем

мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога *не унижает и не обессиливает* человека, а, напротив, *возносит его, преображает и укрепляет* его объясняется тем, что **Божие присутствие и веяние** мы воспринимаем *в нас самих*, и притом *не страхом, а любовью не протестом, а радостью*, и *не унижением, а преображением и вознесением*.

Это любовь и радость, это **восприятие и созерцание Божьего веяния** сердцем и волею, это осуществление Его воли, как своей, и признание всего этого мыслью — нисколько не унижает человека, а преображает и возносит его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу, как отношение маленькой и слабой вещи к огромной и сильной, т. е. как внешнее отношение, — какое-то «внестояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... — вот-вот обрушится гора и раздавит...

На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть **внутреннее отношение** — отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное *единение человека с Богом*.

Человек воспринимает **дыхание Божие** *в глубине своего личного духа*, — не слухом, и не словом, а *сердцем* — тем **таинственным и глубоким чувствилищем**, которое мы называем «*верую*» и «*молитвою*», а также — *вдохновением, совестью, очевидностью* или иным *актом созерцающей любви*. Испытав что-либо из этого, — одним актом или многими, долго или кратко, — человек *обновляется*.

Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божия. Для этого надо, чтобы человек *любил Бога* и вместе с Богом *любил то совершенное, что Бог любит*; и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает; — и *созерцал* Бога и Его Творение **лучом своего сердечного созерцания** и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире.

Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность — *«быть с Богом заодно», любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с Ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе*. И если человек раз осуществил эту способность, оценил ее смысл и значение, на деле доказал ее и утвердил за собою, то это значит, что он **вошел в ткань духовной Предметности мира**, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношение «сына» к «Отцу», стал человеком-сыном. Он перестал быть человеком-волком, или просто — «человеком — сыном-земного отца». Он стал **человеком, воспринявшим своего Небесного Отца: — искрою Его огня; каплею из Его предвечного водомета, ценным камнем из Его сокровищницы; дыханием Его уст; — Его органом, Его носителем, Его жилищем или храмом, — Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...**

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности — *чувство собственного духовного достоинства*; — это не *самолюбие, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость*, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором *уважение к своему духу* есть в то же самое время *смирение перед лицом Божиим*; — и это даже не «чувство», ибо чувство неустойчиво и скоропреходяще, это **предметная уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, до основы личной жизни**.

Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего *земного* состава, но в способности утвердиться в своем *сверхземном* составе, т.е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердцах алтарь поставим»...), и обратиться к Богу со словом «Отец» и с делами «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести и сделать свою волю орудием Воли Божией, — и тем утвердить в себе **духовное достоинство, как основу личной жизни, как**

верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга.

От этого у человека делается непроезжимое устно и словесно, но вечно живое «рассуждение» или волевое решение вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его огнем?»; или: «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?»; или: «как соблазнусь я взяткою, если я призван ткать ризу Божию?»; — «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божиим?»; — «как уроню в себе носитель Духа?»; — «если совершу эту низость,— то куда я денусь от живущего во мне дыхания уст Его?»;— «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?»... — И все это есть не что иное, как **голос собственного духовного достоинства**, дающий человеку *живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное ткаение ризы Его*. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть **Предметность сердца, воли и дела**.

Вот к чему *надо воспитывать* новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем **спасение и расцвет грядущей России**. И о том, как нам *создать* на этих основах **новое русское воспитание и образование**, — должны быть все наши помыслы.